

Константин Дорозжин

НУЛЕВОЙ ЭТАЖ

НУЛЕВОЙ ЭТАЖ
- 0 -

♦ РЕАЛЬНОСТЬ
♦ ВЫХОДЫ
♦ ПАМЯТЬ
♦ ВРЕМЯ
- 0 ЭТАЖ →

0 ЭТАЖ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ

Константин Дорожкин

Нулевой этаж

«Автор»

2026

Дорожкин К.

Нулевой этаж / К. Дорожкин — «Автор», 2026

В обычном многоквартирном доме однажды появляется этаж, которого никогда не было. Его видят не все. На этом этаже расположены квартиры, где живут люди, пропавшие без вести много лет назад. Но они уверены, что исчез не мир вокруг них — исчез весь внешний мир. Когда Илья обнаруживает загадочный Нулевой этаж, он оказывается втянут в путешествие через границы памяти, времени и реальности. В поисках человека, которого давно потерял, он открывает тайну, скрытую за бесконечными коридорами, забытыми дверями и версиями мира, существующими рядом с нашим. «Нулевой этаж» — это интеллектуальный философский роман о любви, потере и природе человеческой памяти. История о том, что дом — это не место на карте и не стены вокруг нас. Настоящий дом находится внутри человека. А некоторые люди, даже уходя навсегда, продолжают жить в нём.

© Дорожкин К., 2026

© Автор, 2026

Константин Дорожкин

Нулевой этаж

НУЛЕВОЙ ЭТАЖ

роман в трёх частях

ЧАСТЬ I

ПОЯВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1

Дом, которого не хватало

Дом построили в девяносто втором — в те годы, когда архитектура уже разучилась быть красивой, но ещё не выучилась быть незаметной. Он стоял на самом излёте старого района, втиснутый между пустырьём и шеренгой серых гаражей, будто его выгрузили сюда на время, да так и забыли увезти.

Двенадцать этажей.

Три подъезда.

Жёлто-серый фасад, выцветший быстрее, чем позволяла ему химия краски, — словно цвет с него снимали не годы, а чьё-то невнимание.

Такие дома не запоминаются. Взгляд соскальзывает с них, как с печатки, которую лень исправлять. И именно поэтому в них удобнее всего прятаться чему-то, что не хочет, чтобы его нашли.

Илья прожил здесь почти восемь лет. Сначала вдвоём, потом — один. После развода квартира стала звучать иначе: не громче и не тише, а как-то пустее в самой своей акустике, будто из комнат вынули не мебель, а часть объёма. Даже холодильник теперь гудел с другим оттенком — так гудит прибор, которому больше некого охранять.

Он всё чаще ловил себя на том, что прислушивается.

Не к соседям.

К самому дому.

Старые трубы вздыхали по ночам — длинно, почти по-человечески. Иногда сквозь стены проходил низкий металлический гул, будто где-то очень глубоко, ниже фундамента и ниже всякого здравого смысла, двигался огромный лифт, которого в этом доме не было и быть не могло. А в самые глухие вечера Илье казалось, что дом во сне тихо перебирает сам себя: переставляет коридоры, пересчитывает квартиры, проверяет, всё ли на месте, — и иногда ошибается на одну комнату.

Эти мысли приходили после полуночи и к утру теряли вес.

Днём всё выглядело нормально.

Почти.

В тот вечер шёл снег. Не зимний, настоящий, а рыхлый, мокрый, с привкусом оттепели, — будто небо вытряхивало из себя последние остатки памяти о холоде. Фонари не светили, а растворялись в белой каше, и свет от них доходил до земли уже разбавленным, ничьим. Двор был пуст так, как бывают пусты места, из которых только что кто-то ушёл.

Илья возвращался поздно. Магазин у метро закрылся раньше, и пришлось тащиться в круглосуточный через соседний квартал. Пакет с продуктами оттягивал руку и резал ладонь тонкой пластиковой струной. В подъезде стоял запах сырости и чего-то сладковатого — кто-то снова курил на лестнице дешёвые вишнёвые сигареты, и этот приторный дым казался здесь старше самих стен.

Лампочка над почтовыми ящиками мигала — коротко, через неровные промежутки, словно ей было что сказать азбукой, которую он не успевал прочесть.

Он машинально посмотрел на своё отражение в стекле двери.

И на долю секунды показалось, что отражение задержалось.

Что оно повторило поворот головы не сразу — а будто бы решая, стоит ли.

Илья замер.

Стекло было обычным. Грязноватым. В нём дрожал он сам, усталый, с пакетом, с налипшим на плечи снегом.

Нет.

Только усталость. Усталость умеет подделывать что угодно.

Он вошёл в лифт.

Старый, ещё с жёсткими кнопками, которые приходилось продавливать с усилием, как будто каждый этаж нужно было у дома выпросить. Металл стен был исписан ключами и маркерами — многолетний палимпсест чужих имён, дат, признаний и угроз. В углу, у самого пола, кто-то когда-то нацарапал косыми буквами:

НЕ СМОТРИ В ЗЕРКАЛО, КОГДА ЕДЕШЬ НОЧЬЮ

Надпись была старой, почти стёртой ладонями и временем.

Илья усмехнулся — той короткой усмешкой, которой взрослые отгораживаются от чужого детского страха.

Нажал «7».

Двери сошлись.

Лифт дёрнулся вверх.

Обычно он двигался медленно, с натужным дребезжанием, и каждый подъём давался ему как одолжение. Но сейчас движение было плавным. Почти бесшумным. Кабина шла вверх ровно и легко, будто кто-то наконец смазал механизм, о котором забыли на двадцать лет.

И именно это насторожило сильнее всего.

Человек привыкает к скрипу собственного дома так же, как к собственному дыханию. Тишина там, где должен быть звук, ощущается не как покой, а как отсутствие.

Илья поднял взгляд на табло.

Цифры сменялись.

Свет мигнул.

На мгновение кабину затопила темнота — плотная, без единого блика, будто лифт на секунду выпал из электрической сети мира.

А когда свет вернулся, табло показывало:

0

Лифт остановился.

Илья нахмурился.

Он никогда не видел здесь нулевого этажа.

Никогда — за восемь лет.

Ни кнопки. Ни обозначения. Ни даже технической отметки, какие оставляют монтажники.

Двери начали открываться.

Медленно.

С долгим металлическим выдохом — будто кабина не раздвигала створки, а делала вдох перед чем-то.

За ними был коридор.

Не подвал.

Не машинное отделение.

Коридор.

Длинный, тихий, залитый тёплым жёлтым светом. Точно такой же, как этажи выше, — только старше. Стены были выкрашены тёмно-зелёной масляной краской до середины, и краска эта, глянцевая, тяжёлая, давно вышла из обихода. Лампы под матовыми плафонами горели тускло и неровно, и каждая держала собственный ритм угасания. Под ногами лежала плитка того образца, который перестали класть ещё в начале двухтысячных, — и она была не выцветшей, не стёртой, а просто другой, как вещь из чужого десятилетия, по ошибке оставленная в настоящем.

И тишина.

Такая полная, что Илья услышал собственное дыхание — и испугался его громкости.

Он не вышел.

Стало холодно. Не от сквозняка — воздух в кабине оставался прежним, тёплым, домашним. Холод поднимался откуда-то изнутри, из той части тела, что узнаёт опасность раньше, чем разум подбирает ей название.

Табло над дверью продолжало гореть красным нулём.

0

Спокойно. Уверенно.

Будто лифт не сомневался: это место есть. Оно просто ждало своей очереди существовать.

Где-то далеко, в глубине коридора, хлопнула дверь.

Звук был самый обычный. Бытовой. Так захлопывают за собой дверь, выходя вынести мусор.

И именно это испугало больше всего.

Потому что в местах, которых не должно быть, не бывает обычных звуков. Ужас обещает себя темнотой, тишиной, скрежетом. Но настоящий ужас приходит в халате и тапочках.

Илья сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

Под подошвой тихо скрипнула плитка — и звук этот разошёлся по коридору слишком далеко, будто пространство было больше, чем казалось.

Коридор уходил в обе стороны. Слева — несколько дверей с потускневшими номерами. Справа — поворот, за которым свет густел до коричневого.

На стене висела доска объявлений.

Старая, фанерная, с ржавыми кнопками.

Листки на ней были не распечатаны — написаны от руки, разными почерками, разными чернилами, в разные, судя по желтизне бумаги, годы.

Он подошёл ближе.

«Воды не будет до четверга».

«У Нины Петровны из 14-й снова давление, если кто пойдёт в аптеку — зайдите, пожалуйста».

«Не открывайте дверь после одиннадцати».

Последняя записка была без подписи.

Бумага пожелтела почти до коричневого, чернила выцвели — но сам совет звучал так, будто его повторяли здесь годами, передавая из почерка в почерк.

Илья почувствовал неприятное давление в груди.

Что-то было не так.

И это «не так» не складывалось в страх.

Оно было хуже страха.

Оно было — неправильностью.

Как будто пространство вокруг и не думало его пугать. Оно занималось другим, куда более терпеливым делом: оно убеждало его, что всегда было здесь. Что это он, Илья, по недо-

разумению забыл сюда дорогу. Что нормально — именно тут, а наверху, со снегом и фонарями, — лишь черновик, который однажды отменят.

Из глубины коридора донеслось радио.

Тихо.

Старый мужской голос читал новости — ровно, дикторски, с тем выученным спокойствием, какого больше нет в эфире. Но слова звучали странно. Они доходили будто с задержкой в несколько лет: знакомые по интонации и чужие по смыслу, как письмо, отправленное не тебе.

Илья медленно повернул голову.

В дальнем конце коридора стояла женщина.

Просто стояла.

В домашнем халате. С пакетом молока в руке. Лет шестидесяти. Совершенно обычная — из тех, кого встречаешь у подъезда тысячу раз и не запоминаешь ни разу.

Она смотрела на него с тем же удивлением, с каким он смотрел на неё. Несколько секунд они были зеркальны друг другу — двое людей, каждый из которых оказался не там.

Потом её лицо дрогнуло.

Она нахмурилась. И тихо, почти просительно, сказала:

— Вы... откуда?

Илья не ответил.

Слово повисло в воздухе, и он понял, что не знает, где это — «оттуда».

Женщина побледнела. Молоко дрогнуло в её руке, белое колыхнулось за тонким пластиком.

— Господи... — прошептала она. — Значит, проход опять открылся...

Свет моргнул.

Радио зашипело и захлебнулось помехами.

А потом где-то в самой глубине этажа, за поворотом, в коричневом свете, кто-то очень медленно начал идти по коридору.

Шаг.

Тишина.

Шаг.

Илья не видел его.

Но понял сразу, всем телом, ниже всякой логики:

идут не к женщине.

Идут к нему.

ГЛАВА 2

Этаж между ударами сердца

Шаги приближались медленно.

Не тяжело.

Не угрожающе.

Наоборот — слишком спокойно. Так ходят не охотники и не хищники. Так ходят люди, которые знают это пространство лучше, чем ты знаешь собственную ладонь, — и которым некуда спешить, потому что выйти отсюда всё равно нельзя.

Коридор будто незаметно удлинился. Свет под потолком начал едва различимо пульсировать, и Илье вдруг показалось, что лампы мигают не от старой проводки, а в такт чему-то живому, спрятанному в толще здания, — медленному, огромному, не торопящемуся проснуться.

Женщина с пакетом молока отступила на шаг.

— Вам нельзя здесь долго, — тихо сказала она, не сводя глаз с поворота. — Пока он не пришёл...

— Кто?

Но она уже смотрела не на Илью.

Куда-то за его спину.

В сторону лифта.

Илья резко обернулся.

Двери кабины были раздвинуты.

Но внутри не было света.

Только тёмный прямоугольный провал — ровный, без бликов, без задней стенки, без потолка. Будто за дверями был не лифт, а вырезанный из мира кусок.

Табло не горело.

Лифт словно перестал существовать — не сломался, а именно отсутствовал, как отсутствует слово, которое ты только что знал.

Воздух изменился. В нём появился слабый запах пыли, мокрого бетона и чего-то старого, почти больничного, — так пахнет в коридорах закрытых санаториев и заброшенных школ, где десятилетиями не открывали окон, и воздух там не дышит, а лежит.

Шаги стали ближе.

Очень размеренные.

Шаг.

Пауза.

Ещё шаг.

Пауза.

Будто идущий двигался, прислушиваясь, — не к Илье, а к самому дому, сверяя свои шаги с его дыханием.

Илья ощутил, как внутри поднимается желание — иррациональное, почти физическое — немедленно уйти. Не убежать. Именно исчезнуть отсюда, выключиться, как выключается свет, словно тело раньше сознания поняло простую вещь: это место не предназначено для людей из верхнего мира. Их здесь не убивают. Их просто оставляют.

Но тело не двигалось.

Коридор держал.

Дом держал — мягко, без усилия, как держат то, что уже считают своим.

Женщина вдруг быстро подошла к нему и сказала почти беззвучно, одними губами:

— Если он спросит, сколько времени прошло, — не отвечайте.

— Кто «он»?

Она не успела.

Из-за поворота вышел человек.

Высокий мужчина в тёмной рубашке. Очень худой — настолько, что ткань висела на нём, как на вешалке, не касаясь тела. Волосы короткие, почти седые, хотя лицо было не старым: возраст словно осыпался с него неравномерно, оставив молодые черты под старым светом. Но страшнее всего были глаза. Не цвет. Выражение.

Он смотрел на Илью так, будто видел его одновременно впервые — и очень, очень давно. Будто узнавание и встреча в нём не совпадали по времени.

Мужчина остановился посреди коридора.

Тишина стала почти физической. Даже радио смолкло. Илья ощутил давление в ушах — то самое, что бывает в самолёте или на глубине, когда меняется не звук, а сама плотность пространства.

Мужчина перевёл взгляд на женщину.

— Новенький?

Она не ответила. Только чуть крепче сжала пакет.

Тогда он снова посмотрел на Илью.

Долго.

Слишком долго — так не смотрят на незнакомца, так смотрят на старую фотографию, силясь вспомнить, кто на ней.

Потом спокойно спросил:

— Сколько сейчас времени наверху?

Слово ударило неожиданно сильно.

Наверху.

Не «у вас». Не «в городе». Не «там».

Наверху.

Так, будто между мирами существовала вертикаль — и этот человек жил у её подножия достаточно долго, чтобы перестать замечать, какое это чудовищное слово.

Илья вспомнил предупреждение женщины — и всё равно ответил. Вопрос был выстроен так, что отказ потребовал бы объяснения, а объяснять было нечего.

— Без пятнадцати одиннадцать.

Женщина закрыла глаза.

Мужчина медленно улыбнулся. В улыбке не было ни тепла, ни угрозы. Только усталость — глубокая, накопленная годами, какую не снимает сон.

— Значит, быстрее, чем в прошлый раз, — сказал он, почти про себя.

— Что — быстрее?

— Расхождение.

Он сделал ещё шаг.

Теперь Илья разглядел деталь, от которой по спине прошёл холод: кожа мужчины выглядела так, словно очень давно не видела солнца. Не бледная. Выцветшая. Как старая фотография, забытая на свету, — изображение есть, но из него ушёл какой-то существенный пигмент, без которого лицо перестаёт принадлежать живому.

— Как тебя зовут?

— Илья.

Мужчина кивнул.

И вдруг сказал, мягко, почти сочувственно:

— Нет. Уже нет.

По позвоночнику прошёл холод — снизу вверх, как сквозняк из открытой где-то двери.

— Что это значит?

Мужчина помолчал, словно взвешивая, сколько правды человек способен вынести в первый день. Поднял взгляд к потолку. Дом тихо гудел вокруг них, ровно и глубоко. Где-то в стенах текла по трубам вода. А из квартиры справа доносился звук телевизора — старый фильм, приглушённые голоса, чей-то смех из прошлого века.

Невыносимо домашний звук.

Именно он делал происходящее по-настоящему страшным.

Потому что кошмар здесь жил не в темноте.

Он жил внутри нормальности — и кормился ею.

— Когда человек попадает сюда впервые, — медленно произнёс мужчина, — дом ещё пытается вернуть его обратно. По привычке. Как организм отторгает чужое. Пока ты слышишь верхний мир — пока он для тебя звучит, — у тебя ещё есть обратная дорога.

— О чём вы вообще говорите?

— О том, что ты уже начал исчезать.

Женщина резко перебила:

— Перестань.

Он не обратил внимания. Говорил ровно, без нажима, как читают давно выученное.

— Сначала — мелочи. Люди забывают разговоры с тобой. Не всё — отдельные слова, потом целые вечера. Потом перестают узнавать на фотографиях. Потом исчезают сами фотографии. Потом документы. Мир просто избавляется от лишнего веса. Ты для него — лишний вес.

— Это бред.

— Конечно, — спокойно кивнул мужчина. — Все так говорят в первый день.

Первый день.

Слово прозвучало слишком уверенно — как первая зарубка на стене, за которой подразумеваются все остальные.

Коридор вдруг едва заметно дрогнул.

Не пол.

Само пространство.

Как изображение, когда слабеет сигнал, — на долю мгновения линии стен поплыли, свет провалился в тусклое, и Илье показалось, что коридор стал длиннее, что дверей прибавилось, что между ним и лифтом теперь больше шагов, чем было секунду назад.

Потом всё вернулось.

Но сердце уже било в горло.

— Мне нужно уйти, — сказал он.

— Да, — неожиданно легко согласился мужчина. — Пока можешь.

— Где я нахожусь?

Мужчина посмотрел на него почти с состраданием.

— Между версиями.

Илья нервно усмехнулся — чтобы услышать собственный голос, чтобы убедиться, что он ещё звучит как прежде.

— Отлично. А что-нибудь более безумное у вас есть?

— Есть, — тихо ответил тот. — Но к этому ты ещё не готов. К этому не готовятся. До этого доживают.

Из ближней квартиры вышел ребёнок — мальчик лет десяти, в полосатой пижаме, с игрушечной машинкой без колёс в руках. Он остановился. Посмотрел на Илью долгим, спокойным взглядом, в котором не было ни капли удивления, — будто новые лица здесь появлялись регулярно и всегда заканчивались одинаково.

И вдруг спросил:

— А снег ещё идёт?

Вопрос прозвучал так искренне, так буднично, что Илья растерялся.

— Что?

— Наверху. Снег идёт?

Женщина отвернулась к стене.

Мужчина медленно прикрыл глаза.

А мальчик ждал — глядя снизу вверх с такой надеждой, будто от ответа зависело что-то огромное, не помещающееся в детскую голову.

— Идёт... — тихо сказал Илья.

Ребёнок улыбнулся.

По-настоящему. По-детски. Во всё лицо.

И от этой улыбки стало страшнее, чем от всего остального, вместе взятого.

Потому что Илья наконец понял, что не так с этими людьми.

Они не выглядели пленниками. На них не было ни цепей, ни ужаса, ни тюремной обречённости.

Они выглядели забытыми.

Так выглядят вещи на дне ящика, которым однажды перестали пользоваться и которые продолжают честно ждать, что за ними вернуться.

И в этот миг Илья ощутил ещё кое-что.

Тишину.

Не обычную.

Он больше не слышал город.

Ни машин.

Ни ветра.

Ни далёкого, всегдашнего шума трассы, который восемь лет ровно гудел за его окнами и которого он не замечал ровно потому, что тот никогда не прекращался.

Ничего.

Будто внешнего мира здесь не было вовсе — не выключили, а вынесли за скобки, как вычёркивают строку, не относящуюся к делу.

Только этаж.

Коридор.

Свет.

И тяжёлое, оседающее в животе ощущение, что дом стоит глубже реальности, чем имеет право стоять. Что под привычной географией города есть ещё одна, вертикальная, — и этот этаж лежит на ней ниже всего, что Илья считал дном.

Мужчина заметил его взгляд.

— Да, — тихо сказал он. — В первый раз это чувствуют все.

— Что?

Тот ответил почти шёпотом:

— Что внешний мир отсюда звучит как воспоминание. Не как место, куда можно вернуться. А как место, которое уже было.

И в этот момент лифт за спиной Ильи вдруг ожил.

С глухим металлическим ударом где-то внутри шахты — будто очнулось что-то большое.

Табло вспыхнуло красным.

7

Свет в кабине вернулся, ровный и жёлтый.

Двери начали медленно сходиться.

— Стой! — Илья рванулся назад.

Но мужчина неожиданно перехватил его за руку.

Пальцы были ледяными.

Не холодными.

Именно ледяными — как металл, оставленный на морозе, тот, что прихватывает кожу.

— Слушай внимательно, — быстро сказал он. — Когда вернёшься наверх, проверь одну вещь.

— Какую?!

— Спроси соседей с восьмого этажа, кто жил в квартире восемьдесят два.

— Что?..

— И посмотри на их лица. Не на ответ. На лица.

Двери почти сошлись.

Женщина внезапно сказала — спокойно, и от этого спокойствия было всего страшнее:

— Он уже начал тебя узнавать.

Илья обернулся в щель между створками.

— Кто?!

Но свет в коридоре разом погас.

На долю секунды весь этаж утонул в абсолютной, безразмерной темноте — той, в которой исчезает не только зрение, но и уверенность, что у тебя есть тело.

А потом где-то очень далеко, в самой утробе дома, раздался звук.

Не скрип.

Не гул.

Что-то похожее на гигантский, медленный вдох — будто здание набрало полную грудь и приготовилось произнести слово.

И в этот миг мужчина толкнул Илью внутрь кабины.

Двери захлопнулись.

Лифт рванул вверх так резко, что Илью бросило к стене. Свет мигал. Этажи мелькали на табло слишком быстро, по два, по три, сбиваясь со счёта, словно дом сам не знал, на какой высоте теперь находится.

А потом — толчок.

Лифт остановился.

Двери открылись.

Обычный подъезд. Тусклая лампа. Запах сигарет. Чей-то велосипед, прислонённый к стене.

Мир выглядел нормальным.

Слишком нормальным — той избыточной, старательной нормальностью, с какой притворяется человек, которого только что застали врасплох.

Илья вышел на ватных ногах.

Обернулся.

И посмотрел на панель.

Кнопки «0» не было.

Вообще.

Только ряд знакомых, исцарапанных цифр, среди которых не хватало ровно одной — и от её отсутствия по коже снова прошёл холод.

ГЛАВА 3

Квартира 82

Ту ночь Илья почти не спал.

Не от страха. Страх был бы проще — страх честен, у него есть форма, есть направление, есть имя. Разум понимает угрозу и хотя бы знает, чего боится.

Но то, что случилось на нулевом этаже, не имело формы. Сознание всю ночь, как заведённый механизм, перебирало объяснения — усталость, микросон на ходу, паническая атака, перенапряжение, галлюцинация на пустой желудок — и каждое из них рассыпалось об одну-единственную деталь.

Он слишком хорошо помнил запах того коридора.

Память почти никогда не удерживает абстрактный ужас — он выветривается к утру, как чужой сон. Но она цепко хранит физические мелочи: сырой бетон, горелую пыль перегревшихся ламп, белый пакет молока в чужих руках, шершавую масляную краску под ладонью.

И ещё — тишину. Глубокую, неправильную, ту, в которой ясно слышно, что мир действительно заканчивается где-то за стенами этажа.

В половине третьего Илья встал и подошёл к окну.

Снег всё шёл.

Двор был пуст — почти. У второго подъезда стояла чёрная машина с работающим двигателем. Фары погашены, выхлоп поднимался ровным белым столбом, не разрываясь, — значит, она стояла так уже давно. За тёмным стеклом угадывался силуэт.

Илья прищурился.

Силуэт не двигался.

Просто сидел.

И смотрел на дом — не на окна вообще, а так, будто знал, в каком именно из них сейчас стоит человек и смотрит в ответ.

Через несколько секунд машина медленно, без фар, выехала со двора и растворилась в снегу.

Он попытался убедить себя, что это совпадение.

Получилось плохо.

Квартира ночью казалась чужой. После развода из неё ушла жизнь, но остались её отпечатки, как тёплый контур тела на простыне: кружка с трещиной, второй комплект тапок у двери, дырка от снятой полки, недочитанная книга на кухне, заложенная на странице, которую уже никто не перевернёт. Иногда Илье казалось, что квартира помнит людей лучше, чем сами люди помнят друг друга, — что стены ведут учёт, аккуратный и беспристрастный, всему, что человек предпочёл забыть.

Он налил воды.

Руки слегка дрожали, и поверхность в стакане отзывалась мелкой рябью на каждый удар сердца.

В голове по кругу ходила одна фраза:

«Спроси соседей с восьмого, кто жил в квартире восемьдесят два».

Он не собирался этого делать. Разумеется. Это абсурд.

Но именно поэтому мысль не отпускала. Абсурд, который удаётся объяснить, отпускает к утру. Этот — нет.

Утром мир выглядел заметно безопаснее. Дневной свет — лучший адвокат реальности: он умеет придать убедительность даже тому, что ночью казалось приговором. К восьми двор наполнился привычным шумом — машины, дети, чьи-то голоса, фургон доставки, собака у мусорных баков, — и дом снова стал обычным.

Почти.

Илья вышел в подъезд.

Лифт стоял на первом. Старый. С потёртыми кнопками. Он долго смотрел на панель.

Никакого нуля. Даже места под него не было — цифры шли вплотную, плечом к плечу, не оставляя зазора, куда могла бы втиснуться лишняя. Словно ночью его собственное сознание самовольно достроило в памяти кнопку, которой никогда не существовало.

Двери открылись. Он вошёл.

На мгновение пальцы потянулись к панели — туда, между первым и подвалом, где, как ему казалось, должна была быть невидимая отметка. Глупость. Он нажал восьмой.

На восьмом пахло жареным луком и стиральным порошком — запах настолько живой, настолько будничной, что от него на секунду стало легче дышать.

Илья вышел в коридор и тут же ощутил всю нелепость своего положения. Что он скажет? «Простите, а кто жил в восемьдесят второй? Мне посоветовал спросить человек с этажа, которого нет». Превосходно.

Он уже собрался уйти, когда дверь напротив открылась сама.

На площадку выглянула пожилая женщина в толстом шерстяном кардигане. Невысокая, седые волосы собраны в пучок, лицо усталое, но цепкое — из тех лиц, что всю жизнь читают чужое состояние раньше, чем человек успеет открыть рот.

— Вам кого?

— Простите... я... — он запнулся. — Вы давно здесь живёте?

— С самого заселения. — Она чуть нахмурилась.

— А квартира восемьдесят два...

Он не договорил.

Что-то изменилось в её лице — быстро, как будто в глубине памяти кто-то щёлкнул выключателем и осветил комнату, куда давно не заходили.

— А что с ней?

— Просто... кто там жил раньше?

Из глубины её квартиры бубнил телевизор — утренние новости, ровный голос диктора. Женщина смотрела на Илью слишком долго. Потом медленно произнесла:

— Молодой человек... там никто не жил.

Внутри неприятно сжалось.

— В смысле?

— Квартира пустая.

— Не может быть.

— Почему не может?

— Потому что... — Он осёкся. — Я здесь восемь лет живу. Там всегда кто-то был. Я точно помню свет в окнах.

Теперь растерялась она. По-настоящему.

— Там нет окон.

Холод медленно тронул позвоночник.

— Что?..

Женщина вдруг распахнула дверь шире.

— Пойдёмте.

Они вышли на площадку. Квартира восемьдесят два была в конце коридора. Обычная металлическая дверь, серая, с облупившейся цифрой. Но чем ближе подходил Илья, тем отчётливее сердце сбивалось с ритма.

Глазка не было.

Почтовых наклеек — тоже.

И главное: под дверью не было щели света. Ни тёплой полоски, ни сквозняка, ни той живой темноты, что выдаёт пустую комнату днём. Дверь выглядела не нежилой.

Она выглядела запечатанной — так заклеивают то, что не должно сообщаться с внешним воздухом.

— После пожара её закрыли, — тихо сказала женщина.

— Какого пожара?

— Господи... да вы что, не помните?

Илья медленно повернулся к ней.

— Я никогда не слышал ни о каком пожаре.

Теперь в её глазах был уже почти испуг.

— Это же весь дом обсуждал... лет пять назад...

Пять лет.

Он жил здесь восемь. Он бы помнил. Должен был помнить. Такие вещи не проходят мимо — горящая квартира над головой, пожарные машины во дворе, дым в подъезде. Этого нельзя не запомнить. И всё же в той части памяти, где полагалось лежать этому событию, была ровная, гладкая пустота — как место на стене, с которого недавно сняли картину.

— Что случилось?

Женщина понизила голос:

— Мужчина там жил. Один. Тихий такой. А потом ночью — пожар.

— Он погиб?

— Нет.

— Тогда что?

Она слотнула и ответила почти шёпотом:

— Пропал.

Коридор словно стал холоднее на пару градусов.

— Когда квартиру вскрыли, внутри никого не было. Но...

— Но что?

Женщина посмотрела на дверь так, будто та могла её услышать. И понизила голос ещё:

— Стол был накрыт на двоих.

Илья ощутил знакомое чувство неправильности. То самое. С нулевого этажа. Не страх — а ощущение, что мир в этом месте собран с ошибкой, маленькой, но несущей, как трещина у самого основания.

— И ещё... — продолжила она. — Пожарные потом странное говорили. Что копоты в квартире меньше, чем должно быть. Будто горело что-то... не совсем здесь.

Несколько секунд они молчали.

Потом женщина вдруг спросила — резко, почти подозрительно:

— А зачем вы вообще про неё спрашиваете?

Илья открыл рот.

И в этот самый миг внутри квартиры восемьдесят два что-то глухо ударило в стену.

Один раз. Будто там что-то уронили.

Они оба замерли.

Женщина побледнела.

— Нет... — прошептала она.

Из-за двери донёсся ещё звук. Очень слабый. Похожий на шаг. Медленный. Тяжёлый. Идущий из глубины запечатанной квартиры — из комнаты без окон, в которой пять лет никто не жил.

Илья смотрел на серый металл.

Сознание ещё цеплялось за объяснения — сквозняк, осадка труб, соседи за смежной стеной. Но под ними уже росло другое чувство, страшное именно своей ясностью.

Он узнал ритм этих шагов.

Тот же самый.

Пауза.

Шаг.

Пауза.

Шаг.

Будто кто-то двигался, прислушиваясь к дому.

А потом из-за запечатанной двери донёсся звук, добивший последние остатки рассудочного спокойствия.

Тихий звон чашки о блюде.

И радио. Очень старое радио, в котором мужской голос сквозь помехи ровно, дикторски читал новости — кому-то, кого пять лет как нет.

ГЛАВА 4

Человек, которого вычеркнули

Радио за дверью продолжало шипеть.

Слова почти не разбирались — только обрывки, всплывавшие из помех, как обломки из тёмной воды:

«...температура...»

«...ситуация остаётся...»

«...эвакуация...»

Голос звучал глухо, будто эфир проходил сквозь толщу воды, прежде чем достичь этой стороны двери.

Женщина рядом тяжело дышала.

— Нет... нет... — повторяла она почти машинально. — Этого давно не было... Шаги внутри стихли.

И тишина стала хуже шагов. Потому что теперь было ясно: там услышали их. То, что ходило по запечатанной квартире, теперь стояло неподвижно — и слушало в ответ.

Илья сам не понял, почему сделал то, что сделал. Он подошёл к двери вплотную. — Вы что творите?! — прошипела женщина.

Но он уже разглядывал старый замок. Металл вокруг скважины был странно потемневшим — не от копоти, а так, будто дверь когда-то сильно нагрели изнутри и она навсегда сохранила память об этом жаре.

Ручка была холодной. Неестественно. Так не остывает металл в тёплом подъезде — так стынет вещь, оставленная на морозе, в другом, более холодном мире.

Он осторожно приложил ухо к двери.

Несколько секунд — ничего.

Потом — дыхание. Очень тихое. С той стороны. На уровне его собственного лица.

Илья отпрянул.

Женщина по его лицу всё поняла.

— Господи...

И в этот момент радио оборвалось. Полностью.

Секунда абсолютной тишины — а потом из квартиры донёсся голос. Мужской, хриплый, почти сорванный, как у человека, который давно ни с кем не говорил вслух.

— Кто там?..

Во рту пересохло.

— Не отвечайте, — выдохнула женщина, отступая.

Но голос прозвучал снова, чуть ближе:

— Там есть кто-нибудь?..

Теперь Илья знал точно: человек стоит вплотную к двери. Между ними — несколько сантиметров металла и пять лет, которых не должно быть.

— Сколько сейчас времени?.. — спросил голос.

Вопрос ударил почти физически. Тот же, что задал мужчина с нулевого этажа. Та же интонация — осторожная, нащупывающая. Как будто время здесь было не нейтральной величиной, а чем-то опасным, что можно случайно выдать, если ответишь неосторожно.

Женщина схватила Илью за рукав.

— Уходим.

Но он не двигался. Слишком многое начинало стягиваться в один узел.

— Кто вы? — тихо спросил он.

Пауза.

— Я живу здесь.

— Эта квартира пустая.

Долгое молчание. Потом — тихий смешок, усталый, почти жалкий.

— Нет, — сказал голос. — Это город теперь пустой.

Холод в спине стал почти болезненным.

— Мы думали, наверху уже никого не осталось.

Наверху. Снова. Это слово, как зонд, нащупывало вертикаль, о которой Илья ещё сутки назад не подозревал.

— Как вас зовут? — спросил он.

Ответ пришёл не сразу.

— Андрей.

Что-то слабо кольнуло память — будто имя уже звучало где-то прежде, в комнате, дверь которой давно заложили кирпичом.

— Андрей... а дальше?

Тишина.

Потом:

— Не помню.

И это было страшнее всего. Не как ложь — ложь у человека звучит иначе, ложь напрягается. Это звучало как чистая правда. Человек за дверью действительно не помнил собственной фамилии — её аккуратно вынули, как страницу из дела.

В коридоре мигнул свет.

И именно в эту секунду Илья увидел то, чего секунду назад не было: под дверью квартиры появилась полоска света. Тёплого. Жёлтого. Будто внутри, в комнате без окон, ровно горела настольная лампа.

Женщина тоже это заметила — и побледнела окончательно.

— Этого не может быть...

Теперь они оба слышали и другое. Бытовой шум. Закипающий чайник. Ровный гул холодильника. Очень далёкий, приглушённый телевизор. Квартира звучала живой — обжитой, тёплой, занятой, — хотя пять минут назад выглядела заваренной наглухо.

— Какой сейчас год? — вдруг спросил Андрей.

Илья ответил не сразу.

— Две тысячи двадцать шестой.

За дверью что-то упало — резко, тяжело, будто человек внутри отшатнулся и налетел на мебель. Потом — тяжёлое, частое дыхание.

— Нет... — хрипло выговорил голос. — Нет, этого не может быть...

Женщина перекрестилась.

— А у вас какой? — спросил Илья.

Очень долгая пауза.

— Две тысячи девятнадцатый.

Воздух как будто загустел.

И Илья почувствовал, как внутри медленно оседает что-то фундаментальное. Не страх. Картина мира. Тихо, без грохота, как оседает подмытый берег — сначала незаметная трещина, потом вся почва уходит из-под ног.

— Снаружи всё ещё карантин?.. — спросил Андрей из-за двери. Спросил с такой будничной тревогой, что стало ясно: для него это самый обычный вопрос. Так спрашивают о погоде.

— Какой карантин?

Тишина.

Потом — растерянно:

— Тогда... что случилось?

И Илья понял со всей ясностью: этот человек искренне верит, что сидит в обычной квартире обычного дома. Не в ловушке. Не в аномалии. В его системе координат ненормален именно внешний мир — это снаружи всё пошло не так, это сверху перестали отвечать.

Вот что было самым страшным.

Не запертая дверь. Не голос мёртвого. А то, что у безумия здесь была собственная безупречная логика, и с той стороны двери в ней жил нормальный, испуганный, одинокий человек.

Свет снова мигнул — на этот раз сильнее. Коридор будто дрогнул, на долю секунды потеряв резкость, как кадр на старой плёнке, перескочившей в проекторе.

ГЛАВА 5

После полуночи

Коридор дрогнул, и Илья машинально посмотрел в сторону лестницы.

И похолодел.

В дальнем конце, почти в темноте, кто-то стоял. Очень далеко. Высокая фигура. Неподвижная. Лица было не разобрать — только силуэт, вырезанный из сумрака чуть темнее самого сумрака.

Но Илья сразу понял: это не сосед.

Люди так не стоят. В человеке всегда есть микродвижение — он дышит, переминается, чуть качается. Эта фигура стояла абсолютно неподвижно, с той совершенной статикой, какая бывает только у предметов. Будто не человек смотрел в коридор, а сам дом на секунду принял форму наблюдателя — отразил себе глаза там, где ему понадобилось видеть.

Женщина тоже обернулась — и тихо вскрикнула.

Свет моргнул. Фигура оказалась ближе. Илья не заметил движения — просто пространство между ними стало другим, расстояние сократилось, как будто кто-то незаметно подмонтировал коридор покороче.

Из-за двери испуганно спросил Андрей:

— Кто там с вами?..

Илья не ответил. Он не мог отвести взгляд.

Теперь было видно: у фигуры неестественно длинные руки. Слишком длинные — почти до колен, как у изображения, которое чуть растянули по вертикали. А лица не было. Только размытая тень там, где полагается быть лицу, — словно эту часть мира забыли дорисовать.

Женщина начала пятиться.

— Он пришёл... — прошептала она.

— Кто?!

Она уже почти плакала.

— Иногда дом понимает, что его заметили.

Фигура сделала шаг. Беззвучно.

И свет в коридоре погас.

На секунду всё утонуло в полной темноте — и в этой темноте, прямо рядом, у самого уха, кто-то очень медленно втянул воздух. Должно. С наслаждением. Так нюхают, узнавая.

Лампы вспыхнули.

Коридор был пуст. Никого. Только дверь восемьдесят второй квартиры и полоска жёлтого света под ней.

Но радио внутри теперь говорило громче. И отчётливо. Мужской голос сквозь помехи повторял, ровно и настойчиво, как заученную молитву:

«...если вы слышите это сообщение — оставайтесь дома... не открывайте дверь незнакомым... не впускайте тех, кто приходит после полуночи...»

Женщина сорвалась с места первой — почти побежала к лестнице. Илья двинулся следом.

Но перед тем как уйти, он услышал из-за двери тихий голос Андрея — спокойный, почти сочувственный:

— Подождите...

И, уже шёпотом, в самую щель:

— Вы ведь тоже начали его видеть, да?

Они спустились на два пролёта, прежде чем женщина остановилась. Точнее — почти рухнула на широкий подоконник между седьмым и шестым этажами. Дышала она сбивчиво, руки дрожали так, что связка ключей тихо звенела о перила, отбивая мелкую морзятку страха.

На лестнице пахло пылью, старой краской и холодным воздухом из приоткрытого окна. Самый обычный запах жилого дома — и именно эта обычность казалась сейчас невозможной, почти издевательской.

В голове у Ильи всё ещё стоял голос из восемьдесят второй: «Вы ведь тоже начали его видеть, да?..»

Он посмотрел вверх. Лестничный пролёт уходил в серый электрический полумрак — лампы здесь были слабее, и свет держался в пространстве неохотно, будто его выдавали по карточкам.

— Кто это был? — тихо спросил он.

Женщина долго не отвечала. Смотрела в провал между пролётами — туда, в спиральную пустоту, уходящую вниз, — так, будто боялась, что оттуда кто-то поднимается.

— Вы ведь давно всё это знаете.

Она закрыла глаза.

— Никто ничего не знает, молодой человек. Знать тут нечего. Можно только привыкнуть.

— Тогда что происходит?

Тишина. Потом она спросила сама — невпопад:

— Давно здесь живёте?

— Восемь лет.

Она медленно кивнула.

— Значит, ещё застали старого дворника. Михаила Семёновича.

Имя прозвучало так, будто к нему была привязана история, которую сам дом предпочёл вычеркнуть.

— И что с ним?

— Он первый начал говорить про этаж.

Холод снова шевельнулся внутри.

— Про нулевой?

Женщина подняла на него глаза, и в них мелькнуло удивление.

— Значит, вы уже там были.

Не вопрос. Утверждение.

— Что это за место?

Она долго молчала. За окном медленно падал снег; внизу во дворе кто-то заводил машину — далёкий, приглушённый, бесконечно нормальный звук. Настоящий мир существовал рядом, в нескольких метрах бетона, — но после увиденного казался тонкой, наспех натянутой декорацией, за которой ходят сквозняки.

— Михаил Семёнович говорил, что дом просыпается, — наконец произнесла она. — Сначала все смеялись.

— Просыпается?

— Он говорил, что некоторые дома построены неправильно. Будто стоят сразу в нескольких местах. В нескольких временах. И большую часть жизни спят — а если проснутся, начинают путать, какой из этих жизней им снится.

Фраза была безумной. Но Илья уже не мог отбросить её привычным движением рассудка — рассудок за эти сутки растерял весь свой авторитет.

— Он замечал странности ещё с девяностых, — продолжала женщина. — Люди путали этажи. Слышали за стеной квартиры, которых нет. Кто-то видел свет в шахте лифта — глубоко внизу, ниже подвала. А потом начали пропадать жильцы. Тихо. Без следов. Просто из дома становилось на человека меньше — и через неделю уже никто не мог вспомнить, кто жил в той квартире.

— И никто ничего не сделал?

Она горько усмехнулась.

— А что можно сделать с тем, чего официально нет?

Илья вспомнил мужчину с нулевого этажа. «Мир избавляется от лишнего веса». По спине снова прошёл холод — тот стал уже почти привычным гостем.

— А восемьдесят вторая?

На этот раз она ответила сразу:

— После пожара всё стало хуже. Люди начали видеть друг друга там, где быть не могли. Встретишь человека во дворе, поговоришь, а потом узнаёшь — он уже неделю как пропал.

На лестнице стало очень тихо.

— И вы в это верите?

— Я верю своим глазам, — сказала она и наклонилась ближе.

И впервые за весь разговор Илья увидел в её лице не тревогу пожилого человека, не суеверие — а голый, животный страх того, кто однажды увидел невозможное и понял: дороги назад нет, и теперь ты до конца жизни будешь знать то, чего лучше бы не знать.

— Послушайте меня внимательно, — прошептала она. — Никогда не пользуйтесь лифтом после полуночи.

— Почему?

— Потому что ночью дом подходит ближе.

Слова повисли в холодном воздухе. Слишком странные. И всё-таки после сегодняшнего утра они звучали уже не как бред сумасшедшей.

— Что значит «ближе»?

Она медленно подняла руку и положила ладонь на стену — осторожно, как кладут руку на грудь спящего, проверяя, дышит ли.

— Иногда мне кажется, — тихо сказала она, — что ночью этажи перестают быть разными. Что между ними становится тоньше. И тогда лифт едет не туда, куда нажали. А туда, где его уже ждут.

Илья хотел спросить что-то ещё.

Но сверху донёлся звук.

Слабый лязг лифта.

Они одновременно подняли головы. Табло над шахтой было видно с лестницы. Красные цифры медленно сменялись.

Лифт спускался. Но странность была не в этом. Кабина двигалась слишком медленно — будто шла не между этажами, а сквозь что-то плотное, продавливая собой толщу, для которой не была предназначена.

— Кто-то едет вниз, — нахмурился Илья.

Женщина не ответила. Её лицо стало серым.

Лифт остановился. Двери не открылись. Секунда. Две. Три.

И тогда табло сменилось. На нём вспыхнул:

0

Сердце пропустило удар.

Женщина резко встала.

— Уходим.

Но кабина уже снова пришла в движение.

Теперь вверх.

Прямо к ним.

ГЛАВА 6

Список пропавших

Кабина поднималась к ним. Медленно. Очень медленно. На каждом этаже свет в подъезде коротко мерк — будто то, что ехало внутри шахты, питалось электричеством по пути, отщипывая по чуть-чуть от каждого пролёта.

Женщина вцепилась Илье в рукав.

— Не смотрите, кто выйдет.

— Что?..

— Просто не смотрите.

Лифт остановился на шестом. Там, где они стояли.

Тишина. Старый механизм тихо гудел в шахте. Потом — металлический щелчок. Двери поползли в стороны. Очень медленно.

Илья смотрел против собственной воли.

Внутри горел тусклый жёлтый свет. Сначала он увидел только пустоту. Потом — ботинки. Мужские, чёрные, старомодные, с тупыми носами, каких давно не делают. Кто-то стоял в кабине, неподвижно, и из-за створки было видно лишь ноги да полу длинного тёмного пальто.

Женщина перестала дышать.

Двери раздвинулись шире.

Теперь была видна рука. Слишком длинные пальцы. Очень бледные, почти серые, с восковым отливом неживого.

Человек не выходил. Просто стоял.

А потом кабина заговорила. Не голосом — звуками. Сначала тихо, неразборчиво. Через секунду Илья понял: это множество голосов сразу. Шёпот. Десятки людей, наложенных друг на друга, как стёртые записи на старой плёнке, поверх которых писали снова и снова. Обрывки выползали из общего шелеста и тонули обратно:

«...не открывай...»

«...я вернулся домой...»

«...ты меня забыла...»

«...здесь был ещё один этаж...»

«...не смотри ему в лицо...»

Руки заledenели.

Женщина медленно отступала.

И тогда человек в кабине шевельнулся. Плавно, с усилием, будто движение давалось ему непривычно — так двигается тот, кто давно не пользовался телом и теперь вспоминает, как это делается. Голова начала поворачиваться к ним.

Но прежде чем Илья увидел лицо, свет в подъезде погас весь, разом.

Темнота накрыла лестницу мгновенно, как ладонь — пламя свечи.

И в этой темноте кто-то тихо, отчётливо произнёс — не шёпотом, а вплотную, у самого уха, тёплым живым голосом:

— Илья...

А потом свет вернулся.

Лифт был пуст. Двери открыты. Внутри — никого. Только жёлтый свет и поцарапанные стены.

И одна новая кнопка на панели.

«0»

Которой секунду назад там не было.

Никто из них не подошёл к лифту. Несколько секунд они просто стояли и смотрели в открытую кабину — как в пасть чего-то огромного, замершего перед броском. Свет внутри был обычным. Даже слишком обычным. Слегка желтоватая лампа под решёткой, потёртые стены, следы старых объявлений, выцветшая надпись маркером:

«СЕРГЕЙ, ПОЗВОНИ МНЕ»

И всё же Илья был абсолютно уверен: минуту назад внутри кто-то стоял. Смотрел. Ждал. Звал его по имени голосом, который — он только сейчас осознал это — был очень похож на его собственный.

Женщина первой пришла в себя.

— Уезжайте из дома. Хотя бы на несколько дней.

— Вы серьёзно?

— Более чем. — Она смотрела на кнопку «0», как на затаившуюся змею. — Если она появилась днём, значит что-то изменилось. Обычно он открывается только ночью.

Он. Не этаж. Не лифт. Он.

Илья отметил это, но спрашивать не стал.

— Подождите. Как вас зовут?

Несколько секунд она молчала, будто решая, отдавать ли последнее.

— Валентина Николаевна.

— Вы давно про всё это знаете?

На её лице проступила особая усталость — та, что бывает у людей, слишком долго носящих внутри тайну, которая тяжелее их самих.

— Дольше, чем хотелось бы.

— Тогда расскажите.

Она посмотрела на него внимательно. Очень внимательно. Что-то взвешивая. Потом сказала:

— Если хотите правды — сходите в старый архив управляющей компании. В подвале соседнего корпуса. Там есть документы, которые давно должны были уничтожить.

— Какие документы?

— Списки жильцов.

— И что в них?

Она медленно покачала головой.

— Некоторые из тех, кто в них значится пропавшими, до сих пор здесь живут.

И ушла, оставив Илью одного на лестнице — рядом с открытым лифтом, в котором тихо горела новая кнопка.

Весь день прошёл как сквозь воду.

На работе он почти не слышал коллег. Монитор светился перед глазами ровным белым прямоугольником, в который он смотрел, не читая. Приходили письма. Звонил телефон. Кто-то делился планами на выходные. Обычная жизнь шла своим чередом, исправно, по расписанию, — но теперь Илья наблюдал её будто из-за тонкого стекла, на котором оседал его собственный выдох.

И чем больше он думал, тем настойчивее возвращалась одна деталь, неприятная своей конкретностью.

Он не мог вспомнить лицо человека из восемьдесят второй.

Голос помнил. Интонацию. Даже паузы между словами, даже усталый смешок. А лица не было — хотя он его и не видел никогда, сознание всё равно по привычке пыталось достроить образ и каждый раз соскальзывало в ту же гладкую пустоту, что и на месте воспоминания о пожаре.

К вечеру повалил снег. Город побелел. Фонари тонули в хлопьях, автобусы ползли, прохожие растворялись в вечерней мути. Илья долго сидел в машине у дома, не решаясь выйти, и в голову ему пришла простая, холодная мысль.

Если всё это правда. Если хотя бы часть.

То сколько людей исчезло на самом деле? Не по сводкам, не официально — а по-настоящему. Сколько человек выпало из мира бесшумно, оставив после себя только слабеющий след в чужой памяти, кружку на сушилке, второй комплект тапок у двери?

Мысль оказалась настолько невыносимой, что он тут же достал телефон. Открыл браузер. Начал искать. Пропавшие без вести. Город. Последние годы. Потом — район. Потом — адрес.

Сначала ничего необычного.

А через двадцать минут он нашёл старую записку. Маленькую, почти забытую, пятилетней давности. Мужчина. Сорок два года. Пропал после пожара в собственной квартире. Адрес совпадал. Квартира восемьдесят два.

Ладони похолодели.

Фотография была плохого качества, зернистая, тёмная. Но её хватило.

Имя он узнал сразу.

Андрей.

Тот самый голос. Тот самый человек за дверью. Пропавший пять лет назад — и говоривший с ним сегодня утром о карантине, которого в этом мире не было.

Он открыл статью.

ГЛАВА 7

Человек из квартиры 82

Он вчитался в статью — и сразу наткнулся на странность.

В тексте было сказано: «Соседи утверждают, что мужчина проживал один». Но ниже, в более позднем материале, в интервью следователя, стояла другая фраза, осторожная, обтекаемая: «По предварительным данным, в квартире могли находиться двое».

Двое.

Илья замер.

«Стол был накрыт на двоих».

Слова Валентины Николаевны всплыли сами собой и легли точно в пустую ячейку. Внутри что-то медленно складывалось в узор — пока непонятный, но уже тревожный, как мелодия, в которой узнаёшь первые такты, не помня названия.

Он увеличил фотографию. Долго всматривался. Потом резко выпрямился, и сердце забилося чаще.

На заднем плане снимка виднелась дверь квартиры — обычная металлическая дверь, та самая. А рядом с номером висела табличка. Маленькая, почти незаметная. Илья увеличил изображение ещё. Пиксели расплзлись, буквы размылись в цветные пятна — но прочитать было можно.

КВАРТИРА 82

А. ГОРИН

И. ВОЛКОВ

Он перечитал. Потом ещё раз. И снова.

Андрей Горин.

И. Волков.

Волков.

Его собственная фамилия.

Телефон едва не выпал из рук. Несколько секунд он просто сидел в машине, слушая ровный шум вентилятора печки, и сознание отказывалось впускать в себя увиденное. Ошибка. Совпадение. Другой Волков — мало ли их. Другой человек, другая жизнь.

Но внутри уже росло страшное, холодное понимание. Слишком много совпадений. Слишком плотно они стояли друг к другу, чтобы быть случайностью. Случайность рассыпана редко; здесь же всё было сшито на живую нитку, и нитка вела к нему.

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Он машинально ответил. Несколько секунд — тишина, только слабый шум, до боли похожий на помехи старого радио из-за двери восемьдесят второй. Потом мужской голос. Очень тихий. Почти шёпот.

— Не возвращайся домой сегодня.

Илья похолодел.

— Кто это?

Помехи усилились. Голос пробился сквозь них:

— Он уже ищет тебя.

Связь оборвалась. Экран погас.

За лобовым стеклом медленно падал снег. Двор казался пустым.

Но внезапно он понял, что ошибается.

У второго подъезда кто-то стоял. Высокая фигура. Неподвижная. Полускрытая снегопадом. Она смотрела прямо на его машину. И не двигалась — будто терпеливо ждала, когда он выйдет.

Снег падал крупными хлопьями, кружась в свете фонарей и превращая двор в кадр старой, исцарапанной киноплёнки. Двигатель работал. Печка шумела. Радио играло какую-то вечернюю программу — обычный мир всеми силами доказывал своё существование, цеплялся за Илью голосами ведущих, тёплым воздухом, привычной музыкой.

Но взгляд снова и снова возвращался к силуэту.

Так не стоят зимой. Даже когда кого-то ждут. Человек переступает с ноги на ногу, прячет руки, поправляет воротник, ёжится — тело всегда выдаёт, что ему холодно, что оно живое. Эта фигура не двигалась вообще, и снег ложился на неё ровно, не тая, как ложится на памятник.

Илья посмотрел на часы. 19:43.

Снова поднял взгляд.

Фигуры не было.

Без движения. Без ухода. Без шагов через двор. Она просто перестала быть — выпала из кадра между двумя ударами сердца.

И к нему пришло то особое беспокойство, что возникает не тогда, когда видишь страшное, а когда перестаёшь доверять собственным глазам, — самый одинокий из всех страхов, потому что от него некуда бежать: предатель внутри.

Он завёл машину, развернулся и поехал. Сам не зная куда.

Через двадцать минут он сидел в круглосуточном кафе у Третьего кольца. За окном текла ночь, редкие машины оставляли на мокром асфальте полосы отражённого света. Внутри пахло кофе, выпечкой и усталостью. И — главное — здесь были люди. Настоящие, живые, шумные. Официантка спорила с кем-то по телефону. Двое студентов гоняли по столу один учебник и общий ужас перед экзаменом. У окна мужчина в костюме хмурился в ноутбук.

Нормальность.

Илья держался за неё, как утопающий за случайную доску.

Перед ним лежал телефон. Статья о пожаре. Квартира восемьдесят два. А. Горин. И. Волков. Он снова и снова увеличивал фотографию, изучал каждый пиксель, уговаривая себя, что ошибся. Но фамилия не исчезала.

Совпадение?

Возможно. Только после нулевого этажа слово «совпадение» стремительно теряло вес — как валюта страны, которой больше нет.

Телефон опять завибрировал. Новое сообщение, тот же неизвестный номер. Одна строка:

Посмотри документы на квартиру.

И всё. Без подписи, без объяснений.

Он перечитал трижды. Набрал номер в ответ. «Абонент недоступен». Разумеется.

Домой он вернулся ближе к полуночи. Всю дорогу ощущение слезки не отпускало — каждый светофор, каждое отражение в витрине, каждый встречный силуэт казались чуть-чуть неправильными, чуть смещёнными, будто мир смотрел на него в ответ и не очень старался это скрыть.

Войдя в квартиру, он первым делом полез в шкаф. На верхней полке лежала старая папка с документами: договор купли-продажи, техпаспорт, выписки, квитанции. Он сел за кухонный стол, включил свет, начал листать.

Сначала ничего. Фамилии, подписи, печати.

Потом — замер.

В одном из старых документов отсутствовала страница. Не вырвана, не потеряна. Просто нумерация перескакивала: с пятой сразу на седьмую. Он проверил ещё раз, и ещё. Нет. Шестой страницы не было — но не как изъятой, а как никогда не существовавшей: бумага сшита ровно, без следов, будто между пятой и седьмой и не предполагалось ничего.

А на шестой — той, которой не было, — стояла ссылка. Он прочитал её на нижнем поле пятой:

«См. приложение Б. Дополнительные сведения о прежнем владельце».

Приложения Б в папке не было.

Лёгкое головокружение. Он не помнил, чтобы хоть раз обращал внимание на этот документ, — хотя просматривал папку десятки раз, при покупке, при разводе, при оформлении субсидии. Странность была мелкой, почти ничтожной. И именно поэтому она пугала сильнее любого призрака. Призрак — это эффектно, это можно списать на нервы. А это было реально. Сухо. Канцелярски. Как трещина в фундаменте: тонкая, в волос толщиной, почти незаметная — и сообщающая о том, что весь дом уже начал необратимо проседать.

И тогда в квартире сверху что-то тяжело упало.

Илья вздрогнул. Потом усмехнулся. Нервы. Соседи.

Через несколько секунд раздался второй удар. Потом третий. Ритмичный, монотонный — будто кто-то медленно двигал по полу тяжёлый предмет. Пауза. Снова движение.

И вдруг он понял: звук идёт не сверху. Он идёт из-под пола. Из квартиры этажом ниже. Нет — ещё ниже. Гораздо ниже, чем мог бы доноситься звук, откуда-то из самой глубины дома, из той его части, которой нет на чертежах.

Он замер. Прислушался.

Стук прекратился. Наступила тишина — абсолютная. Даже холодильник будто перестал гудеть. Даже трубы замолчали. Дом не спал.

Дом слушал.

И Илья, сам не заметив, повернул голову к прихожей — туда, где была входная дверь. Что-то было очень не так. Через секунду он понял что: из подъезда не доносилось ни звука. Ночью всегда слышны шаги, лифт, хлопок двери, чьи-то приглушённые голоса — живой фон любого дома. Сейчас — ничего. Полная, вынутая тишина. Будто весь подъезд за дверью вымер. Или его больше не было.

И тогда прозвучал звонок.

Один короткий сигнал.

Часы показывали 00:19.

Звонок повторился. Медленно. Настойчиво. Кто-то стоял за дверью.

Илья подошёл, осторожно, и посмотрел в глазок.

Сердце на мгновение остановилось.

Площадка была пуста.

Но звонок прозвучал снова — прямо в этот момент, у него на глазах, когда за дверью совершенно точно никого не было. Кнопка нажалась сама. Снаружи. Перед пустой площадкой.

А потом глубоко в шахте дома заработал лифт. Медленно поднимаясь.

И Илья увидел нечто куда худшее.

На внутренней стороне его двери проступали слова.

Медленно. Из глубины крашеного дерева выдавливались тёмные влажные линии — буква за буквой, будто текст продавливали сквозь толщу материала с той стороны, изнутри двери:

НЕ ОТКРЫВАЙ.

ЭТО НЕ Я.

Звонок прозвучал в четвёртый раз.

А затем из-за двери раздался голос.
Его собственный голос.
— Илья... открой.

ГЛАВА 8

Другой Илья

Голос за дверью принадлежал ему.

Не был похож. Не напоминал. Не звучал почти так же. Это был его голос — до последней интонации, до едва заметной хрипотцы на согласных, до привычки чуть растягивать конец фразы, которую он сам в себе терпеть не мог и узнавал мгновенно на любой записи.

Так мог говорить только один человек на свете. Сам Илья.

Кровь отхлынула от лица. Он стоял в прихожей и смотрел на дверь, словно она вдруг обернулась окном, за которым начиналась пропасть.

Влажные чёрные буквы всё ещё проступали на дереве:

НЕ ОТКРЫВАЙ.

ЭТО НЕ Я.

— Илья... я знаю, что ты дома, — сказал его собственный голос. Спокойно. Терпеливо.

— Не открывай, — прошептал Илья сам себе и сделал шаг назад. Потом ещё, стараясь не шуметь. Глупо: тот, за дверью, наверняка прекрасно знал, где он стоит. И всё же древний инстинкт заставлял двигаться тихо, как двигаются перед хищником, который ещё не решил, голоден ли.

Снаружи тихо вздохнули.

— Значит, уже началось.

Без угрозы. Без злости. С усталостью человека, который ждал именно такой реакции, потому что видел её уже не раз.

— Послушай. У нас мало времени.

У нас. Не у меня. Не у тебя. У нас.

— Кто ты? — спросил Илья.

Пауза. Потом:

— Тот же вопрос я задал тебе четыре года назад.

Мир качнулся.

— Что?..

— Я знал, что ты не вспомнишь.

Где-то в глубине дома снова заработал лифт — очень далеко, снизу, так глубоко, что гул казался подземным, геологическим. Он медленно полз вверх по шахте, этаж за этажом. Что-то ехало к нему.

— Уходи, — сказал Илья.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что если я уйду, он найдёт тебя первым.

Илья закрыл глаза, цепляясь за остатки логики, за рациональность, за любую знакомую опору. Но логика уже расходилась по швам — слишком много невозможного случилось за сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.